

УДК 111

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-33-41

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ БЫТИЯ И НЕБЫТИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА ЭПОХИ

Шпека К.А.

Уральский государственный педагогический университет

620017, Свердловская область, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, д. 26,

Российская Федерация

Аннотация. В статье затронуты вопросы соотношения бытия и небытия как основы мировоззренческих теорий в свете многочисленных научных публикаций. Рассматриваются онтические основания соотношения бытия и небытия через анализ экзистенциального состояния, связанного с переживанием страха перед смертью. Данное явление истолковано как базовое для теоретического выявления содержания понятия небытия в аспекте различия между субстанциальным и логическим значениями. Показано ведущее значение понятия небытия для обретения духовности, а также для решения проблемы отчуждения человека в современном обществе потребления.

Ключевые слова: бытие, небытие, становление, смерть, абсолют, материя, дух, экзистенция.

ACTUALIZATION OF THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN BEING AND NON-BEING AS AN INDICATOR OF IDEOLOGICAL CRISIS OF THE EPOCH

K. Shpeka

Ural State Pedagogical University

26 Cosmonaut Avenue, Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620017, Russian Federation

Abstract. The article touches upon the issues of the correlation between being and non-being as the basis of philosophical theories in the light of numerous scientific publications. It discusses the ontic foundations for the relationship of being and non-being through the existential analysis of a condition associated with the fear of death. This phenomenon is interpreted as the base for the theoretical identification of the notion of nothingness in the distinction between substantial and logical values. The primary significance of nothingness is shown for acquiring spirituality, as well as for solving the problem of alienation in modern consumer society.

Key words: being, non-being, nothingness, becoming, death, absolute, matter, spirit, existence.

Не вызывает сомнений, что круг основных проблем философии так или иначе вращается вокруг проблемы бытия. Именно с осмысления бытия, с раскрытия содержания данного понятия берёт своё начало становление философии как культурного феномена в общечеловеческом смысле, что отразилось во взглядах

Парменида. Именно он в своё время высказал тезис о тождестве бытия и мышления, поставив в зависимость друг от друга вопрос о содержании этого понятия и вопрос о содержании сознания вообще и его соотношения с объективной реальностью. В той или иной форме данный тезис стал связующей нитью, которая пронизывала всю европейскую философию вплоть до появления неклассических философских учений с их теориями аффективной структуры бытия, интуитивного постижения истины. Постепенно проблема бытия переросла в основной вопрос философии в том виде, в котором его сформулировал Ф. Энгельс. Нет смысла воспроизводить здесь его формулировку, т.к. она давно стала хрестоматийной и подобный поступок подражает бы под собой школярство. Разумеется, проблема *бытия* (содержания данного понятия) представляет собой своеобразную познавательную базу, которая в онтогносеологическом смысле порождает широчайшую проблемную среду тесно взаимосвязанных познавательных вопросов, в конечном счёте сводящихся всё же к основному вопросу философии. Так или иначе, все философские системы базируются на оригинальном истолковании понятия бытия. В зависимости от того, как оно будет истолковано, своеобразие примет и философская система взглядов на мир.

Тезис о тождестве *бытия* и *мышления*, предполагающий разумность мира, является преобладающим для всей европейской философии вплоть до XIX в. Именно тогда начинает появляться интерес к человеку как особой точке мирового целого, в которой преломляются материальные и духовные

процессы, той точке, в которой концентрируются онтологические вопросы «сквозь призму» вопроса о смысле жизни. Но наиболее заметны попытки пересмотра основного вопроса философии в наши дни. В первую очередь это выражается в сильном интересе к категориальной связке *бытие / небытие*. Это подтверждается большим количеством публикаций в научной печати. Что касается отечественной философии, то наиболее показательной явилась публикация А. Н. Чанышева «Трактат о небытии», и не столько сама работа, сколько реакция, последовавшая на неё, включавшая в себя крайне разносторонние мнения. Обстоятельства и причины появления данной работы на свет нам не интересны. Гораздо важнее сам факт её появления, который послужил своеобразной лакмусовой бумажкой, позволившей выявить наличие обострённого противоречия между мировоззренческими ориентирами современного общества, что подтверждается потоком полемических отзывов (хотя и сама работа Чанышева не менее полемична). Всё это свидетельствует о проблемной ситуации в области теоретических оснований мировоззренческих принципов современности. Здесь сразу заметим, что попытки связать интерес к данной тематике со своеобразным научным эпатажем не совсем уместны, т.к. *небытие* неразрывно связано с *бытием* как понятие, поэтому решение онтологических вопросов без внимания к *небытию* невозможно.

Онтология, как учение о сущем, зарождается с момента постановки вопроса о *бытии*. Именно с теоретического исследования бытия и начинается философия. При помощи

онтологических теорий происходит формирование философского мировоззрения, служащего своеобразным окном в мир как он *есть*. Помимо этого парность категорий в процессе осмысления мира не вызывает нареканий и сомнений ни у кого. Поэтому постановка вопроса о бытии с необходимостью вызывает к существованию и вопрос о *небытии* в его соотношении с *бытием*, актуализируя широкую сеть взаимосвязанных вопросов менее отвлечённого характера о формах проявления бытия. Вопрос о соотношении *бытия* и *небытия*, поставленный даже с акцентом на вторую противоположность – фундаментальная онтологическая проблема. Хотя термин онтология довольно сомнителен по отношению к *небытию*. основополагающий характер данной проблемы явен сам по себе, что признают и противники пересмотра традиционной онтологии в свете внимания к *небытию*. Так Н.С. Розов говорит: «Самые сильные аргументы в пользу «конца философии» нередко становились поворотными, и ростками дальнейшего бурного развития философии <...> значит, лозунг упразднения всей философии носит сугубо полемический характер – это призыв к дискуссии» [6].

Разумеется, что новая постановка основной онтологической проблемы с повышенным вниманием к понятию *небытие* не может привести к концу всей философии, но символизирует собой высшую степень общественного противоречия, служащего ступенью для выхода на качественно новый виток развития общества, т.е. знаменует собой конец старой эпохи философии. Это очередной шаг мысли по направлению к горизонту, за которым скры-

вается бытие. Таким образом, интерес к проблеме *небытия* представляется нам своеобразным узловым моментом, с которого берёт начало появление новых ценностей (точнее трансформация существующей иерархии ценностей через её отрицание) и взглядов на мировое целое, в совокупности представляющие собой мировоззренческие принципы новой эпохи. В этом смысле понятие *небытие* призвано выполнить не столько деконструкцию, сколько реконструкцию принципов и подходов философского объяснения мира. Поэтому актуальность постановки вопроса о *бытии* Хайдеггером не исчезла, а приобрела более радикальную форму в виде постановки вопроса о *небытии*.

В данном контексте этот вопрос направлен на содержание понятия *небытие* и представляет собой исходную точку для выявления такого содержания. Резонно было бы последовать примеру даосской философии и ответить молчанием на этот вопрос. Но такая безмолвная манера вести дискуссию противоречит сути философской рефлексии. Разумеется, сам характер проблемы подталкивает к выводу о том, что ответа на поставленный вопрос дать невозможно, т.к. *бытие* есть, а *небытия* нет. Ни физическая, ни метафизическая реальности не представляют собой формы его проявления. Казалось бы, проблема снята и разуму остались более насущные вопросы. Но, задав вопрос, мы тем самым наполнили наше сознание определённым содержанием, а сознание всё-таки является субъективным отражением объективной реальности. Таким образом, оказывается, что вопрос о *небытии*, с одной стороны, сводится к вопросу содержания данного понятия,

с другой – к вопросу о сущем вне нашего сознания.

Наиболее детально об этом было сказано Гегелем. По содержанию данное понятие тесно смыкается с понятием *бытие* в силу своей крайней абстрактности. Это расхожее утверждение приняло в философской общест-венности силу неоспоримого факта. В этой связи кажется правильным подход, трактующий *небытие* в двух смыслах. Под *небытием* понимают исключительно логическое отрицание явлений как фактов сознания. В результате каждое из соотносимых явлений наполняется смыслом, но только крайне абстрактным, что позволяет говорить о познаваемом явлении как о нечто (*это не есть то*). *Небытие* выполняет гносеологическую функцию, выступая как одна из начальных ступеней познания. Это гносеологический аспект понимания *небытия*, здесь оно сводится к сознанию как к своему источнику. Сознание привносит в этот мир *небытие*, познавая его. Получается, что вопрошание о *бытии* уже актуализирует проблему *небытия*, выводя его на авансцену философского размышления. Познавательный процесс попросту невозможен без актуализации *небытия* как понятия. Именно сознание «высвечивает» *бытие*, «оттеняя» *небытие*. Эта парность неизбежна.

Однако достаточно ли сводить толкование *небытия* только к уровню гносеологических проблем? Ведь если исчезнет сознание и, вместе с тем, осознанность чего-либо, то снимается проблема познания, а онтологический статус *небытия* утрачивается. Если рассматривать *бытие* как понятие, т.е. как формально определённый продукт мыслительной деятельности, то интен-

циональность сознания, направленная на содержание данного понятия, вызывает к существованию проблему соотношения *бытия* и *небытия*. Отсутствие интенциональности приводит к утрате *бытием* своих предикатов, основным из которых является существование. Данная точка зрения характерна прежде всего для субъективно-идеалистической традиции [11]. Однако сводить содержание данного понятия исключительно к фактам сознания не совсем целесообразно, т.к. предикативные определения имеют свою основу не только в мышлении, но в объективно существующих материальных объектах, с которыми сознание диалектически связано. Получается, что познавательная проблема, в лоне которой пребывает фундаментальная категориальная пара, сама представляет собой своеобразную теоретическую надстройку над более глубокой основой. Поэтому познавательный аспект проблемы соотношения *бытия* и *небытия* является своеобразным видопроявлением более фундаментального (более онтологического) основания, нежели сознание. Говоря об этом, мы затронули следующий краеугольный вопрос – разумен ли мир? Если основываться на классической онтологии, то получается, что *небытие* всегда сопутствует именно сознанию, а сознание – способ актуализации *небытия*, т.е. приобретения им своеобразного онтологического статуса как это ни парадоксально звучит [12, с.5–6]. Таким образом, необходимо говорить о трансцендентном начале, примиряющим эти противоположности – абсолюте [9]. С этой позиции *небытие* как обратная сторона *бытия* в феноменальном отношении есть необходимое

условие рефлексии в смысле процесса самопознания. Но абсолют бесконечен, следовательно, бесконечна и рефлексия абсолюта. Однако познавательным усилиям всегда предшествуют онтические предпосылки. Поэтому следует утверждать, что и материя и дух представляют собой атрибуты абсолюта [9], модусы которых процессуальны, т.к. осуществляются во времени и пространстве. Поэтому история человека и общества содержит в себе такие ступени, которые можно определить как дологические или, точнее, дорефлексивные. Каким же образом происходит онтологизация небытия на этих ступенях? Тут мы вплотную подходим к той системе взглядов на небытие, которую следует отнести ко второму аспекту истолкования небытия – субстанциональному, в соответствии с которым небытие обладает не только и даже не столько гносеологическим характером, сколько своим собственным онтологическим значением или, точнее, онтическим, ведь здесь речь идет о дорефлексивной стадии проявления абсолюта. С точки зрения некоторых исследователей, разговор о субстанциальном характере небытия – это настоящая метафизика [7]. Понять субстанциальный характер небытия можно, во-первых, исходя из противоречивости самого понятия субстанции, т.е. исходя из различия между субстанцией и её акциденциями, отрицанием которых она является (если прибегать к схоластической терминологии), либо при помощи платоновского учения о едином и многом (ином), перешедшем в неоплатонизм, но в мистической форме. Во-вторых, субстанциальный характер наиболее полно раскрывается, когда речь за-

ходит о процессуальности бытия, его длительности. Различие между темпоральностью бытия как осознанностью времени и объективным временем как длительностью для нас сейчас не важна, т.к. отсутствие темпоральности ещё не упраздняет процессуальности объективного мира.

Процессуальность наиболее ярко проявляется в органическом мире. С появлением жизни усиливается динамизм, напряжение между бытием и небытием, что приобретает более чёткие очертания в противоборстве жизни и смерти. Смерть – неотъемлемая спутница жизни. От неё не убежать и не спрятаться, где бы ты ни был, она всегда рядом. Поэтому следует говорить не об игре человека со смертью, а об игре смерти с человеком.

Смерть как факт объективной реальности есть не что иное, как исходная точка размышлений о всеобщем основании всего сущего, которое перерастает в философскую рефлексию. Таким образом, если исходить из всего вышесказанного и принимать во внимание двухуровневое членение мировоззрения, предложенное А.Н. Чанышевым (образно-представленческо-ассоциативно-эмоциональный и понятийно-категориально-логическо-рассудочный уровни) [10, с. 39], то у нас есть все причины утверждать, что проблема соотношения бытия / небытия, имеющая чётко выраженный теоретический характер, приобретает своего рода лирический оттенок и предстаёт как краеугольный вопрос о необходимости взаимного переплетения жизни и смерти. Именно на данное обстоятельство в своё время было обращено пристальное внимание А. Шопенгауэра, который, «сместив акцент в сто-

рону значимости не жизни, а смерти», «заново открыл для философского сознания Запада проблему смерти» [8]. «Смерть – поистине гений-вдохновитель, или музагет философии; оттого Сократ и определял последнюю как «заботливую смерть». Едва ли даже люди стали философствовать, если бы не было смерти. <...> Величайший страх – это страх смерти» [8, с. 81–83].

Следовательно, ничто так не может тревожить человека, как осознание своей негационности, конечности, смертности. «Человек не может жить вечно. Смерть есть необходимое биологическое условие сменяемости индивидов, без которой человеческий род превратится в огромный инертный монолит. Но как бы ни объясняли рациональную необходимость смерти, она всё равно остаётся самым трагическим событием в жизни человека. И посему проблема *смерти и бессмертия волнует человека во все времена* (выделено мной – К. Ш.) <...> Если жизнь человека поддаётся определённому изучению, предсказанию, живой человек может каким-то образом влиять на мир, то смерть прекращает все эти отношения. Смерть переводит человека за тот порог, за который не может заглянуть ни один из живущих. Следовательно, смерть не может быть истолкована из самой себя. Смерть может рассматриваться только или в своём отношении к жизни, или по аналогии с ней. Последняя (аналогия) чаще всего является сферой деятельности религии (жизнь после смерти). Первая же – очевидно, в силу своей сложности, и даже, в какой-то степени, диалектичности – стала предметом исследования философии <...> между двумя данными тенденциями нет чётко означенной

границы – представления о смерти всегда влияют на жизнь человека, независимо от того, верит он в загробную жизнь или считает, что «там» ничего нет» [4, с. 167].

В связи с этим следует отметить, что страх смерти – явление исключительно человеческое: «... животные не испытывают страха смерти, они ощущают угрозу, исходящую от человека или другого животного, чувствуют злонамерение. А когда приходит срок, они уходят в тихий уголок и спокойно умирают <...> Низвести страх смерти на уровень инстинктов было бы неправомерно. Страх рождается там, где есть мысль о смерти, есть понимание собственной конечности, ограниченности во времени» [2]. Нам представляется, что М.В. Шугуров совершенно справедливо отмечает по этому поводу: «Бытие Человека актуализирует проблему небытия. Лишь человек остро её переживает» [10, с. 109]. «Человек в отличие от всех других живых существ, сознаёт свою смертность» [1, с. 617]. Здесь не лишним будет вновь вспомнить и мнение уже упомянутого А. Шопенгауэра по этому поводу, прозвучавшее с позиций его философского волюнтаризма в XIX веке: «У человека, вместе с разумом, неизбежно возникла и ужасающая *уверенность* (выделено мной – К. Ш.) в смерти» [4, с. 167].

Именно сталкиваясь лицом к лицу со смертью, осознавая свою конечность, человек в полной мере начинает осуществлять свою способность к трансцендированию.

Смерть – тот самый гордиев узел, с распутывания которого и начинается поиск качественной бесконечности. В этой связи следует отметить, что автор

статьи не стоит на богословских или теистических позициях.

Таким образом, смерть в экзистенциальном обрамлении переживания страха перед бесконечностью представляет собой наиболее интимную часть человеческого существования. Смерть – это своеобразное основание для обретения жизнью своей собственной ценности. Человеку, переживающему пограничные состояния между жизнью и смертью, непосредственно открывается величайшая ценность жизни. Современные реалии же таковы, что способность трансцендировать, как сущностная характеристика человека, существует на уровне возможности. Стереотипы потребле-

ния, основанные на ценностях материального блага, личного комфорта, не позволяют этой способности перейти от потенциального состояния к актуальному. Экзистенциальный характер смерти утрачивается в повседневной жизни современного человека.

Всё сказанное обнаруживает необходимость новой постановки вопроса о бытии. Небытие способно стать тем понятием, которое поставит этот вопрос перед современным человеком, превратившимся в вещь среди вещей и переставшим вопрошать о бытии. Поэтому *небытие* – понятие, призванное стать центральным для мировоззрения грядущей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гайденок П.П. Смерть // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.
2. Кузнецова В.В., Щелоков В.Л. Причины страха смерти и асимметрия времени [Электронный ресурс]. URL: <http://tanat.info/prichiny-straha-smerti-i-asimetrija-vremeni-12-05-2014.html> (дата обращения: 12.02.2016)
3. Розов Н.С. Философия небытия: новый подъем метафизики или старый тупик мышления? [Электронный ресурс]. URL: <http://old.nsu.ru/filf/rozov/publ/> (дата обращения: 12.02.2016)
4. Сиверцев Е.Ю. Биологический, религиозный и философский аспект понимания смерти // Философия о предмете и субъекте научного познания. СПб., 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.vkarp.com/2014/03/20/сиверцев-е-ю-биологический-религиозн/> (дата обращения: 12.02.2016)
5. Солодухо Н.М. Понимание онтологического статуса небытия [Электронный ресурс]. URL: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php (дата обращения: 12.02.2016)
6. Сотникова Н.Н. Смерть как нравственный идеал в философии А. Шопенгауэра [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/about_sotnikowa.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.02.2016)
7. Чанышев А.Н. Начало философии. М., 1982. 184 с.
8. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1993. 477 с.
9. Шпека К.А. Абсолют как небытие. Опыт интерпретации: дис... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2006. 127 с.
10. Шугуров М. В. Усталость от культуры и судьба метафизического долга [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/shugurov-mv/ustalost-ot-kultury-i-sudba-metafizicheskogo-dolga> (дата обращения: 12.02.2016)
11. Nonexistent Objects [Электронный ресурс] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> (дата обращения: 12.02.2016)

12. Seligman P. Being and non-being. An introduction to Plato's "Sophist". The Hauge, Nijhoff, 1974. 120 p.

REFERENCES

1. Gaidenko P. P. Smert' Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Death // Encyclopedic dictionary of philosophy]. M., 1983. 840 p.
2. Kuznetsova V.V., Shchelokov V.L. Prichiny strakha smerti i assimetriya vremeni [Elektronnyi resurs]. [The causes of fear of death and asymmetry of time [Electronic resource].] - URL: <http://tanat.info/prichiny-straha-smerti-i-asimmetrija-vremeni-12-05-2014.html> (request date: 12.02.2016)
3. Rozov N.S. Filosofiya nebytiya: novyi pod'em metafiziki ili staryi tupik myshleniya? [Elektronnyi resurs]. [The philosophy of nothingness: the rise of a new metaphysics or the old dead end of thinking? [Electronic resource].] - URL: <http://old.nsu.ru/filf/rozov/publ/> (request date: 12.02.2016)
4. Sivertsev E. YU. Biologicheskii, religiozniy i filosofskiy aspekt ponimaniya smerti [Biological, religious and philosophical aspects of understanding death] Filosofiya o predmete i sub"ekte nauchnogo poznaniya. SPb., 2002. [Elektronnyi resurs] [The philosophy of the subject and the subject of scientific cognition. St. Petersburg, 2002. [Electronic resource]]. - URL: <http://lib.vkarp.com/2014/03/20/сиверцев-е-ю-биологический-религиозн/> (request date: 12.02.2016)
5. Solodukho N.M. Ponimanie ontologicheskogo statusa nebytiya [Elektronnyi resurs]. [Understanding the ontological status of nothingness [Electronic resource].] URL: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php (request date: 12.02.2016)
6. Sotnikova N.N. Smert' kak npravstvennyi ideal v filosofii A. SHopengauera [Elektronnyi resurs] [Death as a moral ideal in the philosophy of A. Schopenhauer [Electronic resource]] - URL: http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/about_sotnikowa.txt_with-big-pictures.html
7. Chanyshv A.N. Nachalo filosofii [The beginning of philosophy]. M., 1982. 184 p.
8. Shopengauer A. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M., 1993. 477 p.
9. Shpeka K.A. Absolyut kak nebytie. Opyt interpretatsii: dis... kand. filos. nauk [The absolute as nothingness. The experience of interpretation: PhD thesis]. Magnitogorsk, 2006. 127 p.
10. Shugurov M. V. Ustalost' ot kul'tury i sud'ba metafizicheskogo dolga [Elektronnyi resurs] [Fatigue from culture and the fate of metaphysical debt [Electronic resource]] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/shugurov-mv/ustalost-ot-kul'tury-i-sudba-metafizicheskogo-dolga> (request date: 12.02.2016)
11. Nonexistent Objects [Electronic resource] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> (request date: 12.02.2016)
13. Seligman P. Being and non-being. An introduction to Plato's "Sophist". The Hauge, Nijhoff, 1974. 120 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шпека Константин Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного педагогического университета, e-mail: kshpeka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shpeka Konstantin A. – PhD, associated professor of Philosophy Department in the Ural State Pedagogical University, e-mail: kshpeka@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шпека К.А. Актуализация проблемы соотношения бытия и небытия как показатель мировоззренческого кризиса эпохи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 33-41.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-33-41

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

K. Shpeka. ACTUALIZATION OF THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN BEING AND NON-BEING AS AN INDICATOR OF IDEOLOGICAL CRISIS OF THE EPOCH // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 1. pp. 33-41.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-33-41